

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

кафедра английской филологии

ПИСЬМЕННЫЙ ПЕРЕВОД
по книге J.H. Brunvand «The Study Of American Folklore.
An Introduction»
перевод стр. 79 – 87

для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский)

Выполнила:
Меретина Дарья Валерьевна

Астрахань – 2022 г.

Myths and Legends	Мифы и легенды
<p>Traditional prose narratives – that is, oral stories – often loosely termed «folktales», constitute one of the largest and most complex branches of folklore. These narratives include stories that are regarded as true, called «myths» and «legends», and stories that are regarded as fictional, properly called by the term «folktales». Myths are distinguished from legends (as anthropologist William Bascom has formulated it) by the attitudes of storytellers toward them, the settings described in them, and their principal characters. Myths are regarded as sacred, and legends as either sacred or seculars myths are set in the remote past in the otherworld or an earlier world, and legends in the historical past; myths have as their principal characters gods or animals, while legends generally have humans in the major roles.</p> <p>Myths, then, may be defined as traditional «prose narratives, which, in the society in which they are told, are considered to be truthful accounts of what happened in the remote past.» Typically they deal with the activities of gods and demigods, the creation of the world and its inhabitants, and the origins of religious rituals. Whenever myths purport to explain such matters as origins of geographic features, animal traits, rites, taboos, and customs, they are known as explanatory or etiological narratives.</p> <p>There is some difficulty in using these terms and distinctions since «myths» has acquired other specialized meaning among literary critics, historians, and philosophers. Furthermore, it is not always possible to establish absolutely whether a given narrative is a folktale, legend, or myth. Another problem arises with religious narratives in our own culture; are such biblical stories as those of the Creation, the Flood, the Last Supper, and the</p>	<p>Традиционные повествования в прозе или устные рассказы, часто называемые «народными сказками», представляют собой одну из крупнейших и наиболее сложных отраслей фольклора. Эти повествования включают истории, которые считаются правдивыми, называемые «мифами» и «легендами», и историями, считающимися вымышленными, правильно называемыми термином «народные сказки». Мифы отличаются от легенд (как сформулировал антрополог Уильям Баском) отношением рассказчиков к ним, описанными в них условиями и их главными персонажами. Мифы считаются священными, а легенды - священными или светскими, мифы разворачиваются в далеком прошлом в потустороннем или более раннем мире, а легенды - в историческом прошлом; в мифах главными героями являются боги или животные, в то время как в легендах обычно главные роли исполняют люди.</p> <p>Таким образом, мифы можно определить как традиционные «прозаические повествования, которые в обществе, где они рассказываются, считаются правдивыми рассказами о том, что произошло в далеком прошлом». Как правило, они касаются деятельности богов и полубогов, сотворения мира и его обитателей и происхождения религиозных ритуалов. Всякий раз, когда мифы претендуют на объяснение таких вопросов, как происхождение географических объектов, черт животных, обрядов, табу и обычаев, они известны как объяснительные или этиологические повествования.</p> <p>Существуют некоторые трудности в использовании данных терминов и определений, поскольку «мифы» приобрели другое специализированное значение среди литературоведов, историков и философов. Кроме того, не всегда возможно установить, является ли данное повествование народной сказкой, легендой или мифом. Другая проблема возникает с религиозными повествованиями в нашей собственной культуре; являются ли такие</p>

Resurrection, myths? According to the definition, they seem to be; they also display the basic folklore quality of having variants in other cultures. But the biblical narratives cannot meet all of the tests for folklore since they do not circulate in oral tradition, and they are sustained by formal indoctrination. Thus, we may say that modern Americans – or any literature people with an unvarying scriptural basis for their religion – have no myths, in the folkloristic sense. The only true American myths are the native Indian religious narratives, which were orally transmitted and which developed variant forms.

There are still good reasons for American folklorists to be concerned with myths, whether the so-called Primitive Myths of pre-historic cultures and modern pre-literature peoples, the Oriental myths of India and the Far East, or the familiar Occidental myths of the classical world and ancient northern Europe. Among these three bodies of world myth there are certain themes that recur again and again, raising difficult questions of origin and dissemination. Fantastic and grotesque elements that have widespread distribution in myths are especially puzzling. Another enigma is the relatively limited number of distinct forms of myths, the text of which may vary greatly in their specific details.

These points may be illustrated by turning to one of the most comprehensive general reference works in folklore studies,

библейские истории, как истории о Сотворении мира, Потопе, Тайной вечере и Воскресении мифами? Согласно определению, они кажутся таковыми; они также демонстрируют основное фольклорное качество наличия других вариантов для фольклора, поскольку они не циркулируют в устной традиции и поддерживаются формальной идеологической обработкой. Но библейские повествования не могут соответствовать всем требованиям фольклора, поскольку они не циркулируют в устной традиции и поддерживаются формальной индоктринацией. Таким образом, мы можем сказать, что у современных американцев – или у любого другого народа, имеющего неизменную библейскую основу для своей религии, – нет мифов в фольклорном смысле. Единственными истинными американскими мифами являются религиозные повествования коренных индейцев, которые передавались устно и развивались в различных формах.

У американских фольклористов все еще есть веские причины интересоваться мифами, будь то так называемые примитивные мифы доисторических культур и современных дограмотных (неграмотных) народов, восточные мифы Индии и Дальнего Востока или знакомые оккультные мифы классического мира и древней Северной Европы. Среди этих трех частей мирового мифа есть определенные темы, которые повторяются снова и снова, поднимая сложные вопросы происхождения и распространения. Фантастические и гротескные элементы, широко распространенные в мифах, особенно озадачивают. Другой загадкой является относительно ограниченное число различных форм мифов, тексты которых могут различаться в своих конкретных деталях.

Эти моменты можно проиллюстрировать, обратившись к одному из наиболее полных общих справочных

<p>Stith Thompson's Motif-Index of Folk-Literature. The contents and the broad scope of this encyclopedic six-volume work are indicated in its subtitle, «A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books and Local Legends». A motif, or «narrative element», from these traditional texts is any striking or unusual unit recurring in them; it may be an object (such as a magic wand), a marvelous animal (such as a speaking horse), a concept (such as a taboo, or forbidden act), an action (such as a test or a deception), a character (such as a giant, an ogre, or a fairy godmother), a character – type (such as a fool or a prophet), or a structural quality (such as formulistic number or cumulative repetition). Thousands of such elements are arranged in the Motif-Index according to a systematic plan, along with bibliographic references to their occurrences in collected text. Use of the work is facilitated by detailed synopses before each of the twenty-three chapters, numerous cross-references through- out it, and an alphabetical «index to the Index» in the sixth volume. Although the Motif-Index is primarily used in studies of folktales, it has applications for analyzing myths and the other forms that were excerpted for it as well.</p> <p>Motifs from myths are scattered throughout the Index, but the predominately mythological motifs are contained in Chapter «A» under the following broad divisions:</p> <p>Ao-A99. Creator</p> <p>A100-A599. Gods</p> <p>A500-A599. Demigods and culture heroes</p> <p>A600-A899. Cosmogony and cosmology</p> <p>A900-A999. Topographical features of the earth</p>	<p>трудов по фольклористике, «Указателю мотивов народной литературы» Стива Томпсона. Содержание и широкий охват этого энциклопедического шеститомного труда изложены в его подзаголовке: «Классификация повествовательных элементов в народных сказках, Балладах, Мифах, Баснях, Средневековых романах, Примерах, Фаблю, Анекдотах и местных легендах». Мотив или «повествовательный элемент» из этих традиционных текстов – это любая поразительная или необычная единица, повторяющаяся в них, это может быть объект (например, волшебная палочка), чудесное животное (например, говорящая лошадь), понятие (например, табу или запрещенное действие), действие (например, испытание или обман), персонаж (например, великан, людоед или крестная фея), тип персонажа (например, дурак или пророк) или структурное качество (например, формалистические числа, или кумулятивное повторение). Тысячи таких элементов расположены в Указателе мотивов в соответствии с систематическим планом, наряду с библиографическими ссылками на их появление в собранных текстах. Использованию работы способствуют подробные конспекты перед каждой из двадцати трех глав, многочисленные перекрестные ссылки по всему тексту и алфавитный «указатель и указателю» в шестом томе. Хотя Индекс мотивов в основном используется в исследованиях народных сказок, он также имеет приложения для анализа мифов и других форм, которые были извлечены для него.</p> <p>Мотивы из мифов разбросаны по всему Индексу, но преимущественно мифологические мотивы содержатся в главе «А» в следующих широких подразделениях.</p> <p>Ao-A99. Создатель</p> <p>A100-A599. Боги</p> <p>A500-A599. Полубоги и культурные герои</p> <p>A600-A899. Космогония и космология</p> <p>A900-A999. Типографические особенности земли</p> <p>A1000-A1099. Мировые бедствия</p>
--	---

<p> A1000-A1099. World calamities A1100-A1199. Establishment of natural order A1200-A1699. Creation and ordering of human life A1700-A2199. Creation of animal life A2200-A2599. Animal characteristics A2600-A2699. Origin of trees and plants A2700-A2799. Origin of plant characteristics A2800-A2899. Miscellaneous explanations </p> <p> These thirteen general categories of mythological motifs are subdivided into numerous specific categories that are numbered in groups of tens. For example, A 1200 – A 1299. «Creation of man», is broken down as follows in the synopsis: A1210. Creation of man creator A1220. Creation of man through evolution A1230. Emergence or descent of first man to earth A1240. Man made from mineral substance A.1250. Man made from vegetable substance A1260. Mankind made from miscellaneous materials A.1270. Primeval human pair A1290. Creation of man-other motifs </p> <p> As can be seen above between A 1270 and A 1290, Thompson sometimes skipped numbers in the Motif-Index to allow for adding further groups of motifs. Also, within each chapter (which in this instance contains 279 pages of closely-printed motif entries) the subdivisions are made infinitely expandable by a system of «points». Thus motif A1266 is «Man created after series of unsuccessful experiments», and A 1226.1. is the more specific motif «Creator makes man out of butter first; it would not stand up and melted». If a new myth were discovered in which man were made out of margarine first, then, </p>	<p> A1100-A1199. Установление естественного порядка A1200-A1699. Создание и упорядочение человеческой жизни A1700-A2199. Создание животной жизни A2200-A2599. Характеристики животных A2600-A2699. Происхождение деревьев и растений A2700-A2799. Происхождение характеристик и растений A2800-A2899. Различные пояснения </p> <p> Эти тринадцать общих категорий мифологических мотивов подразделяются на множество конкретных категорий, которые пронумерованы группами по десять. Например, A1200-A1299. «Сотворение человека» в кратком изложении разбито следующим образом: A1210. Сотворение человека творцом A1220. Сотворение человека путем эволюции A1230. Появление или спуск первого человека на землю A1240. Человек, сделанный из минерального вещества A.1250. Человек, сделанный из растительного вещества A1260. Человечество, сделанное из разных материалов A.1270. Первобытная человеческая пара A1290. Сотворение человека – другие мотивы </p> <p> Как видно выше, между A 1270 и A 1290, Томпсон иногда пропускал цифры в Индексе мотивов, чтобы добавить дополнительные группы мотивов. Кроме того, в каждой главе (которая в данном случае содержит 279 страниц мелко напечатанных примеров мотивов) подразделения бесконечно расширяются с помощью системы «точек». Таким образом, мотив A 1266 – это «Человек, созданный после серии неудачных экспериментов», а A1226.1 – более конкретный мотив «Создатель сначала делает человека из масла; он не встал и растаял». Если бы был </p>
--	--

considering this as a variant of butter, the number F 1226.1.1. could be added; but if a new material, say chocolate, were used for a succession of creations, number A1226.2. would be appropriate. (Whenever a new motif number is created, it is designated with a «star» until it appears in a revised edition of the mast index.) It might also be noted that two cross-references appear under A1226, numbers A630. «Series of creations», and A1401. «Culture originated by previous race of man». Thompson's bibliographic references indicate that the concept of a series of unsuccessful experiments to create man is found in myths from Greece, Latin America, and the Banks Islands in the Pacific New Hebrides; the unsuccessful creation out of butter is found in a myth from India. These references do not establish, of course, that there is any historical relationship between these similar myth-motifs, although farther research may suggest that there is.

The varied and sometimes fantastic nature of mythological motifs is shown in the Motif-Index in the materials out of which man is said to have been made. The mineral substances include sand sprinkled with water, earth reddened with animal blood, stones, ice, shells, and metals. Vegetable substances indexed include trees and wood, fruit, nuts, seeds, sugar-cane stalks, ears of corn, herbs, and grass. In some mythological explanations of the creations of man the raw material comes from the body of the creator himself – his sweat (the Lithuanians); his spittle (the Lithuanians and in oceanic myths); or even a broken – off toenail (the Indians of Brazil). The Motif-Index lists parallels for the Judaic-Christian explanation that man was made from clay or other earth in Hindu, Babylonian, Greek, Irish, Siberian, Chinese, Polynesian, Indonesian, Australian, Eskimo, North and South American Indian, and Aztec mythology. Again, it must be borne in mind, that listing such parallels does not presuppose any

открыт новый миф, в котором человек сначала был сделан из маргарина, то, рассматривая это как вариант масла, можно было бы добавить номер *A1226.1.1; но если бы для последовательности творений использовался новый материал, скажем шоколад, номер *A1226.2. был бы уместен. (Всякий раз, когда создается новый номер мотива, он обозначается «звездочкой», пока не появится в пересмотренном издании основного индекса). Это можно также отметить, что две перекрестные ссылки указаны под номером A 1226, номера A 630. «Серия творений» и A 1401. «Культура, возникшая из предыдущей человеческой расы». Библиографические ссылки Томпсона указывают на то, что концепция серии неудачных экспериментов по созданию человека встречается в мифах Греции, Латинской Америки и островов Бэнкс в Тихом океане, Новые Гебриды; неудачное создание из масла встречается в мифе из Индии. Эти ссылки, конечно, не подтверждают, что существует какая-либо историческая связь между этими похожими мифологическими мотивами, хотя дальнейшие исследования могут предположить, что она существует.

Разнообразные и иногда фантастические мифологические мотивы показаны в Указателе мотивов в материалах, из которых, как говорят, был сделан человек. К минеральным веществам относятся песок, сбрызнутый водой, земля, покрасневшая от крови животных, камни, лед, раковины и металлы. Индексируемые растительные вещества включают деревья и древесину, фрукты, орехи, семена, стебли сахарного тростника, початки кукурузы, растений и травы. В некоторых мифологических объяснениях сотворения человека сырье поступает из тела самого творца – его пот (литовцы); его слюна (литовцы и в океанских мифах); или даже отломанный ноготь на ноге (индейцы Бразилии). В указателе мотивов перечислены параллели иудейско-христианского объяснения того, что человек был сделан из глины или другой земли: в индуистской, вавилонской, греческой, ирландской, сибирской,

<p>necessary historical connection between these bodies of mythology. Some of these particular parallels, in fact, must predate Judaism and Christianity, while others were probably influenced directly by missionaries.</p> <p>Although certainly questions of oral tradition are being considered in them, the many studies of primitive myths made by anthropologists do not directly relate to a survey of Anglo-American folklore; nor do most of the literary, linguistic, psychoanalytical, or studies of myths. But a direct connection between the study of myths and of modern folklore lies in the elements that myths share with folktales, and in the theories that were derived from early studies investigating the origins of myths and their relationship to tales.</p> <p>The history of theories of myth origins is essentially the history of attempts to account for similar elements in different bodies of mythology and similarities between myths and folktales. In story after story – whether myth or tale – heroes are set difficult tasks to perform, they slay monsters, and they receive royal gifts as rewards; women sometimes marry animals that often turn out to be transformed humans; food or other necessities are magically provided, and characters go on long voyages and sometimes return unrecognized. Basically only two explanations are possible for such parallels: they may be the result of polygenesis, the independent invention of the same materials in different places, or of diffusion, the single invention at one place of an item that was then transmitted to other regions.</p>	<p>китайской, полинезийской, индонезийской, австралийской, эскимосской, североамериканской и южноамериканской индейской и ацтекской мифологии. Опять же, следует иметь в виду, что перечисление таких параллелей не предполагает какой-либо необходимой исторической связи между этими частями мифологии. Некоторые из этих конкретных параллелей, по сути, должны были предшествовать иудаизму и христианству, в то время как на другие, вероятно, оказали непосредственное влияние миссионеры.</p> <p>Хотя, безусловно, в них рассматриваются вопросы устной традиции, многие исследования первобытных мифов, проведенные антропологами, не имеют прямого отношения к исследованию англо-американского фольклора, равно как большинство литературных, лингвистических, психоаналитических или структурных исследований мифов. Но прямая связь между изучением мифов и современного фольклора заключается в элементах, которые мифы разделяют с народными сказками, и в теориях, которые были выведены из ранних исследований о происхождении мифов и их связи со сказками.</p> <p>История теорий происхождения мифов - это, по сути, история попыток объяснить сходные элементы в различных областях мифологии и сходства между мифами и народными сказками. В истории за историей – будь то миф или сказка – перед героями ставятся трудные задачи для выполнения: они убивают монстров, получают королевские подарки в качестве награды, женщины иногда выходят замуж за животных, которые часто оказываются превращенными людьми; еда или другие предметы первой необходимости предоставляются волшебным образом, а персонажи отправляются в дальние путешествия и иногда возвращаются неузнанными. В принципе, для таких параллелей возможны только два объяснения: они могут быть результатом полигенеза, независимого изобретения одних и тех же материалов в разных местах,</p>
--	--

<p>It is noteworthy that those pioneer folktale scholars, Jakob and Wilhelm Grimm of nineteenth-century Germany, perceived both possibilities and selected diffusion, which still has more favor among folklorists, as the better explanation. The Brothers Grimm theorized that folktales, such as those they collected in Germany, were broken-down myths that had originated among the prehistoric Indo-European tribes and had been disseminated during their migrations throughout Europe. The difficulty of supporting the theory, of course, is that Indo-European is entirely a hypothetical language, as are its supposed speakers and their culture.</p> <p>A second nineteenth-century theory drew further on the advancing study of comparative linguistics for its evidence. It was championed by another German «philologist», or what we would now call a linguist, Max Muller, an Oxford University professor. When Sanskrit came to be recognized as the key language of the Indo-European family, Muller compared the names of gods in various bodies of mythology with the names of heavenly bodies in Sanskrit; he concluded that all of the principal gods' names had originally stood for solar phenomena. His theory, which came to be called Solar Mythology (or «The Philological School») regarded myths as essentially accounts of the recurrence of day and night; the European folktales presumably were descended from myths and conveyed the same symbolism.</p> <p>Followers of Max Muller, both in England and the United States, carried solar (and also lunar) explanations of myths to great lengths, applying them to texts from around the world. Similar research also produced a</p>	<p>или распространения, единственного изобретения в одном месте предмета, который затем был передан в другие регионы.</p> <p>Примечательно, что пионеры изучения народных сказок, Якоб и Вильгельм Гримм из Германии девятнадцатого века, восприняли как возможное, так и избранное распространение, которое до сих пор пользуется большей популярностью среди фольклористов, как лучшее объяснение. Братья Гримм предположили, что народные сказки, которые они собрали в Германии, являлись разрушенными мифами, возникшими среди доисторических индоевропейских племен и получившими распространение во время их миграций по всей Европе. Трудность поддержки этой теории, конечно, заключается в том, что индоевропейский язык является полностью гипотетическим языком, как и его предполагаемые носители культуры.</p> <p>Вторая теория девятнадцатого века опиралась в своих доказательствах на передовые исследования сравнительной лингвистики. Его отстаивал другой немецкий «филолог», или тот, кого бы мы сейчас назвали лингвистом, Макс Мюллер, профессор Оксфордского университета. Когда санскрит был признан ключевым языком индоевропейской семьи, Мюллер сравнил имена богов в различных мифологических текстах с названиями небесных тел на санскрите; он пришел к выводу, что все имена главных богов первоначально обозначали солнечные явления. Его теория, которая стала называться Солнечной мифологией (или «Филологической школой»), рассматривала мифы, по сути, как рассказы о смене дня и ночи; европейские народные сказки, по-видимому, произошли от мифов и предавали ту же символику.</p> <p>Последователи Макса Мюллера, как в Англии, так и в Соединенных Штатах, широко использовали солнечные (а также лунные) объяснения мифов, применяя их к текстам со всего мира. Аналогичное исследование также привело к</p>
--	--

<p>«zoological» interpretation that read animal symbolism into myths, and a sweeping «Indianist» theory that traced all European folktales back to India.</p> <p>The solar mythologists opposed by the so-called English Anthropological School of comparative mythologists. Their theoretical foundation was the idea of cultural evolution, patterned on the biological evolution which Charles Darwin had described in <i>The Origin of the Species</i> in 1859. Assuming that all cultures, like plants and animals, had evolved in stages from lower to higher from, these anthropologists postulated that the primitive and peasant cultures of today retain «survivals» oh the «savage stage» of modern civilization. E.E. Tylor's landmark book, <i>Primitive Culture</i> (1871), articulated this theory of survivals, and the following passage from Andrew Lang's <i>Custom and Myth</i> (1884) describes the method by which it was applied.</p> <p>The student of folklore is led to examine the usages, myths, and ideas of savages, which are still retained, in rude enough shape by the European peasantry...</p> <p>The method is, when an apparently irrational and anomalous custom is found in any country, to look for a country where a similar practice is found, and where the practice is no longer irrational and anomalous, but in harmony with the manners and ideas oh the people among whom it prevails... Folklore represents, in the midst of a civilized race, the savage ideas out of which civilization has been evolved.</p> <p>With Andrew Lang as their standard-bearer, the English anthropologists waged a devastating campaign against the solar mythologists, even to the extent of using Max Muller's own method to prove that Muller himself was a sun god. One monument of</p>	<p>«зоологической» интерпретации, которая включала символику животных в мифы, и широкой «индианистской» теории, которая прослеживала все европейские народные сказки до Индии.</p> <p>Солнечным мифологам противостояла так называемая английская антропологическая школа сравнительных мифологов. Их теоретической основой была идея культурной эволюции, основанная на биологической эволюции, описанной Чарльзом Дарвином в книге «Происхождение 1859 года». Предполагая, что все культуры, такие как растения и животные, эволюционировали поэтапно от низших к высшим, эти антропологи постулировали, что примитивные и крестьянские культуры сегодняшнего дня сохраняют «пережитки» «дикой стадии» современной цивилизации. Эпохальная книга Э.Э. Тайлора «Примитивная культура» (1871) сформулировала эту теорию пережитков, а следующий отрывок из «Обычая и мифа» Эндрю Лэнга (1884) описывает метод, с помощью которого она была применена.</p> <p>Изучающий фольклор должен изучить обычаи, мифы и представления дикарей, которые все еще сохраняются в достаточно грубой форме европейским крестьянством...</p> <p>Метод заключается в том, что, когда в какой-либо стране обнаруживается явно иррациональный и аномальный обычай, то следует искать страну, где встречается аналогичная практика, и где эта практика больше не является иррациональной и аномальной, а гармонирует с нравами и идеями людей, среди которых она преобладает... Фольклор представляет в среде цивилизованной расы дикие идеи, из которых развилась цивилизация.</p> <p>С Эндрю Лэнгом в качестве знаменосца английские антропологи развернули разрушительную кампанию против мифологов солнца, вплоть до того, что использовали собственный метод Макса Мюллера, чтобы доказать, что сам Мюллер</p>
--	--

Victorian scholarship, Sir James G. Frazer's *The Golden Bough* (first published in 1890 and expanded to twelve volumes by its final revision in 1915) was essentially a massive assemblage of evidence of the world-wide persistence of folk beliefs, myths, and customs that was taken by some readers to support the theory of survivals in culture.

The suggestion of several nineteenth-century German scholars that the fantasy world of dreams might have given rise to myths anticipated the psychoanalytical approach to myths introduced by Sigmund Freud. This school, like that of the English anthropologists, assumed that polygenesis explained widespread myth parallels. The Freudian explanation drew on the study of dreams, neuroses, and complexes to unravel the workings of the unconscious and subconscious minds with their Oedipal, phallic, and other symbolism. Carl Jung, who introduced the term «collective unconscious», and Otto Rank, author of *The Myth of the Birth of the Hero* (1914), made major contributions to this type of interpretation, the full delineation of which is far too complicated to include here.

As early the fourth century B.C. the idea arose that myths are actually based on historical traditions, and myth heroes were real people. The theory was known as Euhemerism after the Sicilian philosopher Euhemeris who proposed it; he held, in effect, that man had made gods in his own image. A kind of «new euhemerism» constituted the Heroic Age Theory set forth by H.V. and N.K. Chadwick in their work *The Growth of Literature* (3 volumes, 1932-40). They asserted that mythical heroes such as England's Beowulf, Germany's Siegfried, France's Roland and Ireland's Cuhulin were based on actual chieftains who had led roving bands of warriors across prehistoric Europe; historical

был богом солнца. Один из памятников викторианской науки, книга сэра Джеймса Г. Фрейзера «Золотая ветвь» (впервые опубликованная в 1890 году и расширенная до двенадцати томов в ее окончательной редакции в 1915 году), по сути, представляла собой массивное собрание свидетельств всемирного сохранения народных верований, мифов и обычаев, которые некоторые читатели восприняли как поддержку теории пережитков в культуре.

Предположение нескольких немецких ученых девятнадцатого века о том, что фантастический мир сновидений мог породить мифы, предвосхитило психоаналитический подход к мифам, представленный Зигмундом Фрейдом. Эта школа, как и английская антропологическая, предполагала, что полигенез объясняет широко распространенные параллели с мифами. Фрейдистское объяснение опиралось на изучение сновидений, неврозов и комплексов, чтобы разгадать работу бессознательного и подсознательного разума с их эдиповой, фаллической и другой символикой. Карл Юнг, который ввел термин «коллективное бессознательное», и Отто Ранк, автор Мифа о рождении Героя (1914), внесли значительный вклад в этот тип интерпретации, полное описание которого слишком сложно, чтобы включить его сюда.

Еще в четвертом веке до нашей эры возникла идея, что мифы на самом деле основаны на исторических традициях, а герои мифов были реальными людьми. Эта теория была известна как эвгемеризм в честь сицилийского философа Эвгемериса, который ее предложил; фактически он считал, что человек создал богов по своему образу и подобию. Своего рода «новый эвгемеризм» представлял собой теорию Героической эпохи, изложенную Х.М. и Н.К. Чедвик в своей работе «Рост литературы» (3 тома, 1932-40). Они утверждали, что мифические герои, такие как английский Беовульф, немецкий Зигфрид, французский Роланд и

accounts of their deeds had been passed down as heroic legends and myths. Recently the theory was applied to the American frontier, and Davy Crockett was nominated as an heroic-age figure.

Exactly the opposite basic assumption – that the basis myth is never history – underlies the Myth-Ritual Theory advanced by Lord Raglan in his work *The Hero* (1936). Like Otto Rank and others, Lord Raglan schematized a large number of mythical biographies into a monomyth; his analysis then held that no myth, legend, or folktale that significantly matched this pattern could preserve any history. Instead, religious ritual was the source of all myths, and myths preceded all genuine folklore. The myth-ritual theory has been strongly criticized in the United States, but has also had a vigorous defense in the writings of Stanley Edgar Hyman.

Although all of these theories of myth origins once had their firm adherents, most of them claim only a few serious advocates among folklorists today. But the theories introduced in these early studies continue to influence folklore scholarship. The question of polygenesis versus diffusion must still be dealt with; the concepts of folktales as «broken-down myths», or of all folklore as cultural «survivals», are far from dead. Psychoanalytical theory has gained recent disciples among professionally-trained folklorists, as has euhemerism. Many terms introduced in the nineteenth-century studies are still employed by writers. And several anthropological-folklorists have tried to combine what they consider to be the best features of several schools of analysis and interpretation into new, more comprehensive explanations of myths. Prominent efforts of this nature include M. I. and F.S. Herskovits's *Dahomean Narrative* (1958). Melville Jacobs's

ирландский Кухулин, были основаны на реальных вождях, которые возглавляли бродячие отряды воинов по доисторической Европе; исторические рассказы об их деяниях передавались как героические легенды и мифы. Недавно эта теория была применена к американской границе, и Дэви Крокетт был номинирован как фигура героического возраста.

Прямо противоположное базовое предположение – что в основе мифа никогда не была история – заложено в Мифо-ритуальной теории, выдвинутой лордом Рагланом в его работе «Герой» (1936). Подобно Отто Ранку и другим, лорд Раглан схематизировал большое количество мифических биографий в мономиф; затем его анализ показал, что ни один миф, легенда или сказка, которые в значительной степени соответствовали этому образцу, не могли сохранить какую-либо историю, вместо этого религиозный ритуал был источником всех мифов, а мифы предшествовали всему подлинному фольклору. Теория мифо-ритуала подверглась резкой критике в Соединенных Штатах, но также получила энергичную защиту в трудах Стэнли Эдгара Хаймана.

Хотя все эти теории происхождения мифов когда-то имели своих твердых приверженцев, большинство из них сегодня имеют лишь несколько серьезных сторонников среди фольклористов. Но теории, представленные в этих ранних исследованиях, продолжают оказывать влияние на изучение фольклора. Вопрос о полигенезе в сравнении с распространением все еще нуждается в рассмотрении концепции народных сказок как «разрушенных мифов», или всех народных знаний как культурных «пережитков», все же далеки от того, чтобы быть мертвыми. Многие термины, введенные в исследования девятнадцатого века, все еще используется писателями. И несколько антропологов – фольклористов попытались объединить то, что они считают лучшими чертами нескольких школ анализа и интерпретации, в новые, более всеобъемлющие объяснения мифов.

<p>The Content and Style of an Oral Literature (1959), and Joseph Campbell's series The Masks of God (1959 and following).</p> <p>Most contemporary American folklorists are more with legends than myths, for American folk tradition, though lacking true myths, is rich in legendary lore, much of it European in background. Legends, like myths, are pose narratives regarded by their tellers as true; unlike myths, they are generally secular and are set in the less-remote past in a conventional earthly locale. Legends are sometimes referred to as folk history, although history is soon distorted by oral transmission. Because many legends reflect folk beliefs, the term belief tale is also applied to them; and just as serve the function of validating religious rites in a primitive culture, legends are often used to validate superstitions in modern folklore.</p> <p>Legends are usually migratory – widely known in different places – but when texts become rooted and adapted to a particular place, they are said to be localized, or local legends. Often legends are circulated in cycles, or groups of narratives relating one event, person, or theme. In any case, the classification of legends has been a vexing matter; as folklorists Wayland D. Hand, who has wrestled with the problem recently, writes, «For the systematizer, folk legends seem endless in bulk and variety, and they are often so short and formless as to defy classification.» For discussion purposes, however, four groups of legends may be established on the basis of their primary concern with religion, the supernatural, individual persons, or localities and their histories.</p>	<p>Выдающиеся работы такого рода включают М. Дж. И Ф., «Дагомейское повествование» С. Херсковича (1955), «Содержание и стиль устной литературы» Мелвилла Джейкобса (1959) и серию Джозефа Кэмпбелла «Маска Бога» (1959 и последующие).</p> <p>Большинство современных американских фольклористов больше интересуются легендами, чем мифами, поскольку американская народная традиция, хотя и лишена истинных мифов, но богата легендарными знаниями, большая часть которых имеет европейское происхождение. Легенды, как и мифы, представляют собой повествования в прозе, которые их рассказчики считают правдивыми; в отличие от мифов, они, как правило, светские, и разворачиваются в менее отдаленном прошлом в обычном земном месте. Легенды иногда называют народной историей, хотя история вскоре искажается устной передачей. Поскольку многие легенды отражают народные верования, к ним также применяется термин «сказка о верованиях»; и точно так же, как мифы выполняют функцию подтверждения религиозных обрядов в первобытной культуре, легенды часто используются для подтверждения суеверий в современном фольклоре.</p> <p>Легенды обычно очень широко известны в разных местах, но когда тексты укореняются и адаптируются к определенному месту, их называют локализованными или местными легендами. Часто легенды распространяются циклами или группами повествований, относящихся к одному событию, человеку или теме. В любом случае, классификация легенд была неприятным вопросом; как пишет фольклорист Вэйланд Д. Хэнд, который недавно боролся с этой проблемой: «для систематизатора народные легенды кажутся бесконечными по объему и разнообразию, и они часто настолько коротки и бесформенны, что не поддаются классификации». Для целей обсуждения, однако, можно выделить четыре группы легенд: исходя из их основного отношения к религии, сверхъестественному, отдельным</p>
---	--

	лицам или населенным пунктам и их истории.
--	--